

Раздел 2. Когнитивистика и семиология коммуникации

УДК 811.112.2

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Балабаева Юлия Евгеньевна

старший преподаватель кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия *balabaeva@bsu.edu.ru*

Аннотация

В статье кратко изложена история исследований в области эвиденциальности в отечественной и зарубежной лингвистике, рассмотрена концепция категории эвиденциальности и ее дефиниция, а также предпринята попытка найти более точное определение категории эвиденциальности в контексте немецкого языка.

Ключевые слова: категория, эвиденциальность, категория эвиденциальности.

THE FORMATION OF THE THEORY OF EVIDENTIALITY IN RUSSIAN AND FOREIGN LINGUISTICS

Balabaeva Yuliya

Senior Lecturer
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia *balabaeva@bsu.edu.ru*

Abstract

The article summarises the history of research in the field of evidentiality in Russian and foreign linguistics, considers the concept of the category of evidentiality and its definition, and attempts to find a more precise definition of the category of evidentiality in the context of the German language.

Keywords: category, evidentiality, category of evidentiality.

Категория эвиденциальности – неотъемлемый компонент когнитивной и коммуникативной деятельности человека. Она не является современным нововведением и в настоящее время является широко обсуждаемым, однако редко точно определяемым понятием в лингвистике. Она существует во многих языковых семьях на всех континентах, но отсутствие общепринятой и согласованной терминологии часто затрудняет межязыковые сопоставления. Это касается также и единого термина «эвиденциальность», который происходит от слова *evidentia* (лат. – очевидный, ясный) и предполагает специальное средство маркировки того, что говорящий или другое лицо были автором или свидетелем высказывания [Балабаева 2008: 20-36; Профатилова, Балабаева 2020].

Впервые эвиденциальность как грамматическое явление была отмечена Ф. Боасом в 1911 году, когда он использовал его в своем исследовании некоторых североамериканских языков. Он обнаружил морфемы, обозначающие слухи, прямые свидетельства или сны как источник знаний. Более широкое распространение термин получил в 1957 году после работы Р.О. Якобсона «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол», в которой он ввел понятие «шифтера», рассматривая его как средство описания взаимодействия событий, смысл которых не может быть определен без контекста, т.е. языковая единица вторичного семантического уровня, в значении которой отмечается отсылка к самому речевому акту или участникам речевого акта. Термином «эвиденциальность» Р.О. Якобсон называет глагольную категорию, учитывающую три факта: сообщаемый факт, факт сообщения и передаваемость факта сообщения, т.е. указание на источник сведений о сообщаемом факте [Балабаева 2009: 144 – 145; Якобсон 1972: 101].

Эксплицитные исследования в области эвиденциальности как категории начинаются примерно в 1981 году, когда в Калифорнийском университете в Беркли состоялась конференция, посвященная сравнению категории эвиденциальности в различных языках. Эта конференция имела широкий резонанс в научных кругах и впервые показала актуальность обсуждаемой проблемы. По ее итогам была опубликована книга У. Чейфа и Дж. Николса [1986], где под эвиденциальностью понимается (глагольная) категория, указывающая на источник получения информации – прямой (непосредственное наблюдение) или косвенный (сообщение другого лица/умозаключение и т.д.). Данная книга включает также работу С. Андерсона [1986], который первым разработал семантическую картографию и критерии определения эвиденциальности. По его мнению, «эвиденциальность – это категория, которая показывает степень обоснования фактического утверждения по отношению к лицу, предъявляющему такое утверждение». В 1982 году Т. Гивон в своем исследовании положил начало дискуссии о связи эвиденциальности и эпистемической модальности. Дж. Байби [1985] трактует эвиденциальность как любой способ экспликации источника информации с помощью специальных маркеров. В том же десятилетии Ф.Р. Палмер [1986] опубликовал свою работу, посвященную данной категории, в которой он определяет эвиденциальность как оттенок эпистемической модальности. Т. Уиллетт [1988] проводит первое типологическое исследование категории эвиденциальности, рассматривая соотношение между прямой и косвенной эвиденциальностью. В 1994 году в Париже по инициативе З. Генчевой прошел симпозиум, посвященный категории эвиденциальности, материалы которого были опубликованы в 1996 году в книге «L'énonciation médiatisée» [Guentchéva 1996]. В трудах Д. Хаана [1999, 2005] отвергается идея о том, что эвиденциальность является частью эпистемической модальности, а рассматривается как дейктическая категория. Самое крупное на сегодняшний день исследование, охватывающее около 500 языков, было опубликовано А. Айхенвальд [2004]. В отличие от А. Айхенвальд, ограничившейся только лишь грамматической категорией эвиденциальности, М. Сквартини [2008] и Б. Вимер [2008] рассматривают лексическую эвиденциальность, в которой впервые становятся заметны процессы ее грамматикализации.

Популярность категории эвиденциальности в современной лингвистике еще раз подчеркивает тот факт, что в конце 20 века начале 21 века появилось достаточно большое количество работ, посвященных исследованию данной проблематики в различных языках. Так, рассмотрением данного вопроса занимались такие отечественные и зарубежные ученые, как Н.А. Козинцева [1994-2000], Ж. Лазар [1999], А.Л. Мальчуков [1999], Л. Юхансон [2000], О.А. Хадарцев [2000], С.И. Булгак [2000], С.И. Буркова [2004], А.И. Кузнецова [2004], О.А. Кобрина [2005], Э. Банджалы [2005], Р. Ницилова [2006] и мн. др.

В отечественном языкознании проблемой категории эвиденциальности одной из первых начинает заниматься Н.А. Козинцева, которая, ссылаясь на О.Р. Якобсона, описывает эвиденциальность как «область рамочных значений, представляющих собой указание говорящего на источник сведений» [Козинцева 1994: 92]. Однако в настоящее время в отечественной лингвистике существует уже достаточно большое количество трактовок понятия эвиденциальности. Так И.А. Мельчук подчеркивает, что эвиденциальность выражает отношение между говорящим и пропозицией [Мельчук 1998: 250-251]. С.И. Буглак определяет эвиденциальность как «различные структурные и функциональные элементы речи, выражающие указание на источник информации, способ и характер получения информации» [Буглак: 2000]. В.А. Плуныян утверждает, что эвиденциальность занимается исследованием значений эксплицитного указания на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации [Плуныян, 2000: 32]. В работах О.А. Кобриной эвиденциальность – это категория, которая выражает в основном авторство высказывания или источник исходящей информации [Кобрина 2006: 94]. Согласно Т.П. Мордасовой эвиденциальность – это утверждение говорящего, причем основано оно может быть как на очевидном для говорящего событии, так и на косвенном

источнике информации [Мордасова 2005: 29]. В работе Э. Банджалы представлено следующее определение категории эвиденциальности: «это маркеры, дающие в предложении сведения об источнике информации» [Банджалы 2005: 14].

2007 году было подготовлено научное издание «Эвиденциальность в языках Европы и Азии» под редакцией В.С. Храковского, представляющее собой первое в лингвистической науке исследование категории эвиденциальности, построенное на основе ареально-типологического подхода к изучению языков [Эвиденциальность в языках Европы и Азии 2007].

Ученые-германисты относительно недавно стали изучать категорию эвиденциальности, однако в последние десятилетия появляется все больше работ, посвященных данной категории. Например, Де Ханн утверждает, что эвиденциальность в немецком языке может маркироваться как грамматическими средствами, включая модальные и перцептивные глаголы, так и лексическими, например, наречиями. Б. Ханзен в 2004 году опубликовал работу «Эвиденциальность в немецком языке», в которой дан краткий обзор средств выражения данной категории. Р.Д. Шакирова в 2005-2007 годах в своём исследовании «Эпистемический статус высказывания», подробно рассматривает проблему взаимодействия категории эвиденциальности и эпистемической модальности в немецком языке [Ханзен 2004; Шакирова 2005; De Naan 1999].

Многие ученые отмечают, что границы эвиденциальности и других категорий, таких как эпистемическая модальность, миративность и т.д. в определенной степени пересекаются, что усложняет определение эвиденциальности, поэтому в литературе существует значительная терминологическая путаница, связанная с неясностью концептуализации эпистемической модальности, эвиденциальности, миративности и других смежных категорий [Балабаева 2008; Балабаева 2009; Профатилова, Балабаева 2020].

Столь же неясным является определение термина «категория» как таковая. Что такое категория? На каком основании принимается решение о ее существовании? Является ли эвиденциальность самостоятельной категорией, или она аффиксальна, парадигматична, формальна? В этом смысле на вопрос о том, является ли эвиденциальность самостоятельной категорией, изначально ответить невозможно. Однако это не противоречит попытке дать как можно более универсальное определение эвиденциальности, соответствующее многим, если не всем, языкам. Даже если универсальное решение вопроса о категории не найдено, что отчасти связано с дефиниционными проблемами самого термина «категория», то на основании найденного определения эвиденциальность, безусловно, может рассматриваться как категория, которая занимает место в одном ряду с эпистемической модальностью.

Исходя из обзора взглядов лингвистов на категорию эвиденциальности, следует, что эвиденциальность – это лингвистическая категория, выражающая различные способы получения информации, на основании которых формулируется высказывание. С изменением лингвокультурного мировоззрения и форм обмена информацией меняются только лишь средства ее выражения.

Литература

1. Балабаева Ю.Е. Средства выражения категории эвиденциальности в немецком научном тексте (к проблеме исследования) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. Серия филология. 4 (18). С-Пб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – С. 20 – 36.

2. Балабаева Ю.Е. Функционально-семантическое поле средств выражения категории эвиденциальности в современном немецком языке // Язык. Дискурс. Текст: Материала IV Международной научной конференции. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. – С. 144 – 145.

3. Балабаева Ю.Е., Дзенс Н.И. Статус метареферентивных моделей в составе функционально-семантического поля эвиденциальности в немецком языке (в аспекте межкультурно-дивергентного развития индоевропейских языков) // Вестник

- Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. Серия филология. Том 1. С-Пб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2009. – С. 180 – 198.
4. Балабаева Ю.Е., Дзенс Н.И. Фразеологизмы со значением эвиденциальности в древненемецком эпосе (XII – XVI вв.) // Перевод. Язык. Культура. IV Междунар. заочная науч.-практ. конф. 30 марта 2013 г. / Отв. ред. Е.В. Дворецкая. СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – С. 46 – 52.
5. Банджалы Э. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте (в сопоставлении с алтайским языком): Диссертация ... канд. филол. наук. М., 2005 – 194с.
6. Буглак С.И. Высказывания со словами модальной и эвиденциальной семантики и их понимание (англо-русские соответствия) // Мат-лы I Всерос. научн. конф. «Фёдоровские чтения» 27-28 окт. 1999. Университетского переводоведение. Вып. 1. Спб. URL: <http://syntagma.h1.ru/nau/article9.htm>, 2000.
7. Кобрин О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (7). – С. 90–100.
8. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. №3. – С. 94–104.
9. Мальчуков А.Л. Перфект и эвиденциальность в тунгусских языках (опыт функционально-диахронического анализа) // Вопросы языкознания. 1999. №3. – С. 119–132.
10. Мордасова Т.П. Категориальная и функциональная сущность косвенной засвидетельствованности в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2005. – 167 с.
11. Ницолова Р. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке // Вопросы языкознания. 2006. №4. С. 27–44.
12. Плуноян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
13. Профатилова С.М., Балабаева Ю.Е. Средства выражения значений эвиденциальности в разноструктурных языках // Теория языка и межкультурная коммуникация №1(36). Курск. – 2020. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3537/
14. Ханзен Б. Эвиденциальность в немецком языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исслед. РАН; отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. – С. 241–252.
15. Шакирова Р.Д. Эпистемический статус высказывания: на материале современного немецкого языка: дис. ... докт. филол. наук. Набережные Челны, 2007. – 404 с.
16. Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исслед. РАН; отв. ред. В.С. Храковский – СПб.: Наука, 2007. – 632с.
17. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. – С. 95 – 113.
18. Aikhenvald A. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press 2004.
19. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar. Chicago, 1994.
20. Boas F.K. Grammar, with glossary of suffixes // Transactions of the American Philosophical Society 37, 1947. – P. 201 – 377.
21. Chafe W. and Nichols, J. (Eds.). (1986). Evidentiality: The linguistics coding of epistemology. Norwood: Ablex Publishing Corporation.
22. De Haan F. Evidentiality and Epistemic Modality: Setting Boundaries. Southwest Journal of Linguistics 1999, № 18. – Pp. 83 – 101.
23. Givion T. Evidentiality and epistemic space // Studies in language. – Amsterdam, 1982. – Vol. 4. – №1. – p. 29 – 50.
24. Guentchéva Z. L'Énonciation médiatisée Louvain-Paris: Editions Peeters, 1996. Pp. 322.
25. Jakobson R.O. Shifters, Verbal categories and The Russians verb // Prinziipy tipologicheskogo analiza jazykovogo stroja. – М.: Nauka, 1972. – P. 95-113.

26. Squartini, M. (2008). Theme issue on lexical evidentiality. *Italian Journal of Linguistics*, 19 (1).
27. Wiemer, B. Lexikalische Markierungen evidenzieller Funktionen: zur Theoriebildung und empirischen Erforschung im Slavischen. *Wiener Slawistischer Almanach*, Sonderband 72, 2008. P. 5–49.
28. Willet Th. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality. – *Studies in Language* 1988 №12. – Pp. 51–97.

References

1. Balabaeva Yu.E. *Means of expressing the category of evidentiality in a German scientific text (to the research problem) // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. Science Magazine. Philology series. 4 (18). St. Petersburg: Leningrad State University named after. A.S. Pushkina, 2008. P. 20 - 36.
2. Balabaeva Yu.E. *Functional-semantic field of means of expressing the category of evidentiality in the modern German language // Language. Discourse. Text: Materials of the IV International Scientific Conference*. Rostov-on-Don: IPO PI SFU, 2009. P. 144 - 145.
3. Balabaeva Yu.E., Dzents N.I. *Status of meta-representational models as part of the functional-semantic field of evidentiality in the German language (in the aspect of intercultural-divergent development of Indo-European languages) // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. Science Magazine. Philology series. Volume 1. St. Petersburg: Leningrad State University named after. A.S. Pushkina, 2009. P. 180 – 198.
4. Balabaeva Yu.E., Dzents N.I. *Phraseologisms with the meaning of evidentiality in the ancient German epic (XII – XVI centuries) // Translation. Language. Culture: IV International. correspondence scientific-practical conf. March 30, 2013 / Reply*. ed. E.V. Butler. St. Petersburg: Leningrad State University named after. A.S. Pushkina, 2013. P. 46 – 52.
5. Banjaly E. *The category of evidentiality in the Turkish language in the functional-semantic aspect (in comparison with the Altai language)*: Dissertation ... Ph.D. Philol. Sci. M., 2005. 194p.
6. Buglak S.I. *Statements with words of modal and evidential semantics and their understanding (English-Russian correspondences) // Materials I All-Russian. scientific conf "Fedorov Readings" October 27-28, 1999*. University translation studies. Vol. 1. St. Petersburg. URL: <http://syntagma.h1.ru/nau/article9.htm>, 2000.
7. Kobrina O.A. *Modal categories as ways of expressing a person's subjective attitude to a statement // Questions of cognitive linguistics*. 2006. No. 2 (7). P. 90–100.
8. Kozintseva N.A. *Category of evidentiality (problem of typological analysis) // Questions of linguistics*. 1994. No. 3. P. 94–104.
9. Malchukov A.L. *Perfect and evidentiality in the Tungusic languages (experience of functional-diachronic analysis) // Questions of linguistics*. 1999. No. 3. P. 119–132.
10. Mordasova T.P. *Categorical and functional essence of indirect evidence in the Russian language*: dis. ...cand. Philol. Sci. Lipetsk, 2005. – 167 p.
11. Nitsolova R. *Interaction of evidentiality and admirativeness with the categories of tense and person of the verb in the Bulgarian language // Questions of linguistics*. 2006. No. 4. P. 27–44.
12. Plungyan V.A. *General morphology: Introduction to the subject: Textbook*. M.: Editorial URSS, 2000. 384 p.
13. Profatilova S.M., Balabaeva Yu.E. *Means of expressing the meanings of evidentiality in languages of different structures // Theory of language and intercultural communication* No. 1 (36). Kursk, 2020. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3537/
14. Hansen B. *Evidentiality in the German language // Evidentiality in the languages of Europe and Asia*. Collection of articles in memory of Natalia Andreevna Kozintseva / Institute of Linguistic Research. RAS; resp. ed. V.S. Khrakovsky. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 241–252.
15. Shakirova R.D. *Epistemic status of utterance: on the material of the modern German language*: dis. ... doc. Philol. Sci. Naberezhnye Chelny, 2007. 404 p.

16. *Evidentiality in the languages of Europe and Asia. Collection of articles in memory of Natalia Andreevna Kozintseva* / Institute of Linguistic Research. RAS; resp. ed. V.S. Khrakovsky - St. Petersburg: Nauka, 2007. - 632 p.

17. Boas F.K. *Grammar, with glossary of suffixes* // *Transactions of the American Philosophical Society* 37, 1947. P. 201 - 377.

18. De Haan F. *Evidentiality and Epistemic Modality: Setting Boundaries*. *Southwest Journal of Linguistics*, 1999, № 18. P. 83 – 101.

19. Jakobson R.O. *Shifters, Verbal categories and The Russians verb* // *Prinzipy tipologicheskogo analiza jazykovogo stroja*. M.: Nauka, 1972. P. 95 - 113.

20. Kozintseva N.A. *The category of evidentially (a problem of typological analysis)* // *Voprosy jazykoznanija*. 1994, №3. M.: Nauka. P. 94 - 104.

21. Willet Th. *A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality*. *Studies in Language*. 1988. №12. P. 51-97.

УДК 821.161.1

РАСТИТЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ В «СТРАННОЙ» ПРОЗЕ: НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. ТУРГЕНЕВА, В. ГАРШИНА, Ф. СОЛОГУБА

Богатырев Арсений Владимирович

кандидат исторических наук

независимый исследователь

Тольятти, Россия sob1676@yandex.ru

Аннотация

Изучается использование растительной символики в трех произведениях русских авторов XIX–XX вв. Подвергнутое в статье анализу растение (его плоды) играет у И.С. Тургенева роль доказательства «подлинности» происходивших событий («Рассказ отца Алексея»), а также как-бы «скрепляет» контакт между человеком и таинственными силами. Использование Тургениевым каштана в качестве атрибута нечисти восходит к народным фольклорным представлениям. Флористическое богатство в рассказе В.М. Гаршина «Красный цветок» подчеркивает особое место красного цветка, выделяющегося на фоне других растений. Избрание символом всего негативного именно алого мака объясняется символикой красного цвета как цвета крови, гнева и одурманивающими свойствами данного представителя флоры. Зло, сконцентрированное в нем — это неприятие героем заточения в психиатрической лечебнице. В «Январском рассказе» Ф.К. Сологуба в образе срубленной елки предстают драматические события января 1905 г. Исследование характера и возможных истоков образа Елчика, происхождение которого следует искать в рождественских традициях, подводит к мысли о его более тесной связи с домом-елью. Появление растительных мотивов в рассмотренных сюжетах обусловлено биографическими, культурными и историческими обстоятельствами.

Ключевые слова: символическое значение растений, русская литература XIX–XX вв., мистика, И.С. Тургенев, В.М. Гаршин, Ф.К. Сологуб.

PLANT MOTIFS IN “STRANGE” PROSE: ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF IVAN TURGENEV, VSEVOLOD GARSHIN AND FYODOR SOLOGUB

Bogatyrev Arseniy

Candidate of History

Independent Researcher

Togliatti, Russia sob1676@yandex.ru

Abstract

The use of plant symbols in three works of Russian authors of the 19th–20th centuries is studied. The plant analyzed in the article plays the role of evidence of the authenticity of the events that took place in Ivan Turgenev’s “The Story of Father Alexei”, and also seal the contact between